

Даниил КРАММЕР:

Новая газ. - 1996. - 5 авг. - с. 15.

Есть грех у меня — горжусь собой

НОТА ПРОТЕСТА

— А с чего началась музыка?

— В юности моя мама была пианисткой, которой прочили блестящую карьеру. Но случилась война. Музыка отошла на второй план. Потом, в мирное время, она пошла учиться на врача-стоматолога. Говорят, что родители реализуют свои несбывшиеся мечты в детях. Может быть, это как раз тот случай.

— В вас рано проснулся музыкальный талант?

— Раньше голос. Я был голосистым пацаном. Полтора лет отроду мама, перепутав пузырки, дала мне вместо лекарства полную ложку чистейшего медицинского спирта. Я это снадобье проглотил, будто так надо, и стал задыхаться. Пока ехала «неотложка», меня уже слегка отпоили холодным молоком. Всполошенные врачи обнаружили в колыбели буйного орущего младенца. Никакой помощи оказывать не стали. «Пусть проспится, — сказал пожилой доктор, — он пьян!» Вот такая импровизация, отнюдь не джазовая, а жизненная.

А в музыке я впервые публично симпривизировал на республиканском конкурсе, исполняя «Токкату» Гаврилина. Представляете, от волнения забыл финал. Но виду не подал. Спокойно поднял руки над клавишами, выдержал паузу и продолжил игру, пропустив десять тактов. В зале никто этого не заметил, кроме моей побледневшей учительницы.

— Кроме музыки, чем-то увлекаетесь?

— Спортом! Какими видами я только ни занимался! Но был непостоянен, потому что часто болел, и после очередного перерыва мама записывала меня в какую-то новую секцию. Спортивные разряды у меня все же есть: по плаванию, бадминтону, шахматам.

— Каким одним словом вы себя охарактеризовали?

— Я трудный человек, требовательный. Иногда справедливо, иногда сам знаю, что несправедливо, но все равно требовательный. И к самому себе, и к другим. В чем-то я человек разбросанный, потому что слишком много целей ставлю перед собой. В чем-то целенаправленный, потому что поставленной цели все же достигаю.

— Тогда вы собой гордитесь?

— Есть такой грех. Временами даже обвиняю себя в тщеславии: нра-

вятся аплодисменты, нравится та доля славы, которая у меня уже есть...

Правда, в последнее время ловлю себя на мысли, что цену музыку больше, чем реакцию публики. По молодости такого за собой не замечал.

Раньше я вообще был другой. Более жестоко относился к окружающим. Жизнь меня делала помягче. Но зато стал жестче в профессиональном плане. Все же подозреваю, что со мной очень трудно. Особенно жене.

— Вы много времени проводите с семьей, вместе отдыхаете?

— Отдыхаю я по-разному. Очень люблю делать это за компьютером, играя в игрушки, обожаю «Денди». Как один из видов отдыха предпочитаю смотреть телевизор (все равно что), просто лежать на диване. Кроме того, очень люблю отдыхать за городом на даче, за шашлычками, которые изумительно готовлю я сам.

— Вы — известный джазовый музыкант, концертирующий, сочиняющий. Не может быть, чтобы не приглашали работать за границей надолго, если не навсегда.

— Было, конечно. Я много ездил и езжу с концертами по миру. Но везде скучаю по дому, семье. Както, после полугодового турне, вел переговоры в Италии с веронской джазовой школой. Меня удивил очень низкий уровень преподавания и подготовки студентов, да и финансово я едва сводил бы концы с концами. Контракт откровенно невыгодный, но поработать в Вероне было все же заманчиво. Позволил жене собрать чемоданы, взял дочь и приехал ко мне. Думал, как-нибудь проживем, выкручусь, будут концерты, заработаю. На что она посоветовала мне тоже собрать чемоданы и вернуться домой. Я с удовольствием выполнил ее просьбу. С тех пор ни на секунду не пожалел об этом.

— А где вы себя чувствуете достаточно комфортно?

— Мне очень понравилось в Китае. Признаюсь, рвусь туда всей душой, потому что чувствую необъятное поле для деятельности. Очень мечтаю завоевать эту страну. Музыкой, разу-

меется. И не только Китай, но и всю Юго-Восточную Азию, страны, которые для джаза сейчас не слишком открыты.

— Вам этот край внутренне близок?

— Да, мне о-очень нравится Восток.

— Чем, своей культурой?

— Всем! Знаете, из Малайзии я уехал просто потрясенный, будто на неведомой планете побывал. Там воздух другой: густой, тропический, пряный, со специфическим привкусом сладости. Иногда он нравится, иногда от него морщишься, иногда он просто воняет. Но он какой-то соблазнительный, хочется ощутить еще и еще.

Восточная культура — это как другая планета. Совершенно другой способ мышления, другие люди. Но мне очень хочется найти с ними общий язык.

— Даниил, у вас растет дочь, прочтите ли ей музыкальную карьеру?

— О музыкальной карьере речи нет. Аня обычная нормальная девочка, перешла в седьмой класс обычной общеобразовательной школы. С раннего детства у нее была склонность к изобразительному искусству, жила художника. В последнее

время меньше рисует, но больше увлекается керамикой. Она творческий человек. Хотелось бы, чтобы она в жизни стала не просто чьей-то женой. Мне кажется, что предназначение женщины состоит не только в продолжении рода и воспитании детей.

— А какие женщины вам нравятся?

— Интересные. Женщины с «изюминкой», со своим характером, у которых есть какой-то внутренний шарм и в глазах светится интеллект. Не люблю глупых красавиц. Конечно, банально, но, честное слово, это так.

— Есть ли у вас любимый литературный герой?

— Андрей Болконский. Потому что он настоящий мужчина. Толстой родил его таким, каким хотел бы быть я, оговорюсь, если бы жил в то время.

— Что в людях для вас наиболее ценно?

— Стремление к доброте в глобальном плане. Для меня люди четко делятся на созидателей и разрушителей. В общем-то одно невозможно без другого — созидание без разрушения, и наоборот. Притягивает все парадоксальное, что основано не на логическом, а на ассоциативном мышлении. Инстинктивная человеческая логика чаще бывает сильнее разумной.

— Вы религиозный человек?

— Очень. Но в этом плане я странный человек, потому что не принадлежу ни к какой церкви. Бывая в разных странах, хожу в разные храмы: католические, православные, буддистские, синагоги, мечети. Ощущаю, что там обитает некая субстанция. Можно назвать это присутствием святого духа или другим, более мощным биополем. Не исповедуясь, не причащаясь, я захожу оттуда отдохнувшим, с новыми силами.

— Если была бы воля выбирать, в какое время вы хотели бы жить?

— Я не ограничусь каким-то отдельным отрезком. Хотел бы пожить понемногу во всех временах. Очень интересно быть современником динозавров. Потом заглянул бы в первобытный мир — полюбопытствовать, как там люди рисовали наскальные картинки. Очень бы хотел жить в эпоху великих охот, когда создавались мегалитические сооружения. Хотелось бы посмотреть на тех людей, которых потом греки называли титанами. Меня не покидает ощущение, что все возникло из ничего. Понять умом не могу, но ощущение не покидает.

Было бы интересно пожить и в будущем, но не в ближайшем, — посмотреть, чего добьется человечество за 15 — 20 тысяч лет. Хотел бы узнать цену слова вечность.

— С кем из великих музыкантов хотели бы сыграть?

— С Шопеном. Мечтал бы поиграть с Моцартом. Они мне близки. Вот с Бахом ни за что, потому что у меня не хватило бы духу. Он другой, он для меня инопланетянин.

— А из современников?

— С Николаем Петровичем и Владимиром Спиваковым. Господь Бог дал нам одно время для жизни, может быть, он даст нам возможность вместе что-то сделать. Я бы его в этом подержал.